

Сто шлягеров на Плющихе

Он живет на улице Плющиха, в одном доме с Солженицыным и Чубайсом. Но далек и от литературы, и от политики. Потому что его зовут Вячеслав Добрынин.

«Битлз»

Как-то очень давно, в начале 60-х, совсем еще юный Слава Добрынин крутил свой приемник. Он искал всякие западные радиостанции. Не в целях поддаться на антисоветскую провокацию, а чтобы просто послушать их музыку. Шумели глушилки, и оценить музыку по достоинству было не всегда возможно. Но тут Добрынин услышал бодрый голос, певшие «Love, love me do...». Слава удивился: кто такие? Иностранец ведущий объявил: «Тэе битлз». «Ага!» — запомнил Добрынин.

А вскоре в одной газете он увидел статью про «жучков». Про битломанию как один из пороков империализма. Так Добрынин стал битломаном. И не он один. Москвичи захотели ответить Ливерпулю своими, советскими, «тэе битлз». Собственно чуть ли не вся нынешняя поп- и рок-музыка началась с битломании. Тут единый корень и у Добрынина, и у Гребенщикова. Дома у Вячеслава Григорьевича все стены его кабинета завешаны битловскими фотографиями.

Ансамбль Добрынина назывался «Орфей». Солистов было двое. Один — Леня Бергер (его сейчас подзабыли — он давно эмигрировал в Австралию — но когда-то считали лучшим голосом советского рока.) Вторым солистом был наш герой. Голос у Добрынина не очень мощный, но проникновенный. Поэтому все очень любили слушать, как он поет битловские «Герл» и «Мишель». Еще ему очень удавалась «Рок-н-ролл мюзик». Однажды какие-то комсомольские вожаки Армении пригласили «Орфей» в Ереван. Идет чинный концерт. Все поют хорошие песни советских композиторов. Потом выходит «Орфей», и Добрынин начинает петь «Рок-н-ролл мюзик». Пылкие армяне вскочили, стали визжать и прыгать по креслам. Некоторые даже поломали.

А в Москве «Орфей» по вторникам выступал в очень модном тогда кафе «Молодежное» на улице Горького. Девушки шли специально на Добрынина.

Кстати, знаменитая хрипотца у него с юности. Может, потому, что курить начал в 14 лет и курил сигареты крепкие. Напитки, впрочем, были соответствующие. И частота употребления пугающая. Какой же в противном случае из тебя музыкант?

Баян

Вообще, карьера Добрынина могла сложиться иначе. Он учился в очень престижной школе, где каждый второй был внуком академика. Добрынин дружил с внуком лауреата Нобелевской премии Льва Ландау. И в этой самой школе в старших классах учащиеся уже выбирали себе ту или иную специализацию. Слава почему-то заинтересовался биофизикой.

Но в университет он поступил уже на искусствоведческое отделение. Биофизика из него не вышло. Зато получился дипломированный искусствовед.

Что же до музыки — Добрынин стал проявлять способности очень рано. Уже в три года. У него тогда была никчемная детская гармошка, тем не менее мальчик ухитрялся даже на этом убогом инструменте воспроизводить те мелодии, что доносились из радиоприемника.

Конечно же, мама немедленно задумалась о музыкальном образовании сына (кстати, отца Добрынин не помнит, знает лишь, что тот был армянином). И Слава стал учиться музыке. Играл на рояле, трубе, виолончели.

Но эти академические инструменты юного Добрынина не радовали. Больше всего хотел играть на баяне. Чтобы носить его повсюду с собой и людей собирать веселыми песнями.

Как-то Слава был в пионерском лагере. К нему подошли ребята из старших отрядов:

— Ты тут музыкант, что ли?

— Ну, я...

— Приходи сегодня вечером к нам. С баяном. Мы хотим танцы устроить.

Добрынин пришел и весь вечер играл шлягеры из популярных кинофильмов. Танцы были до упаду. После этого лихого баяниста звали постоянно.

Союз композиторов

В 1971 году Добрынина пригласили в оркестр Лундстрема. Тогда при оркестре был создан эстрадный квартет «Лада». Добрынин стал его руководителем.

Музыканты оркестра с интересом смотрели, как Добрынин играет на гитаре: подтягивая струны, издавая протяжный блюзовый звук. Так никто не играл.

Тогда же, кстати, у Лундстрема работала солисткой никому не известная Алла Пугачева. Пугачева и Добрынин подружились. Но Алла никак не разделяла бурный образ жизни Добрынина и других музыкантов. По выражению самого Добрынина, она тогда была страшной скромницей. Когда оркестр выезжал на гастроли, музыканты проводили все свободное время в ресторанах, с местными девушками. Пугачева же тихонько сидела в своем гостиничном номере.

Интересный факт: именно из квартиры Добрынина Алла Пугачева направилась на фестиваль «Золотой Орфей», где триумфально спела своего «Арлекино». Но это другая история.

Однажды оркестр Лундстрема летел в Норильск. Была ночь, но Добрынин уснуть не мог. От нечего делать он взял всякие газеты и стал их листать. В одной из них были напечатаны стихи какого-то кабардинского поэта. Добрынин вдруг поймал себя на том, что читает их, и у него звучит мелодия. Добрынин быстро записал ноты своей мелодии. Показал их другим музыкантам. Те говорят:

— Слушай, а здорово! Давай Лундстрему покажем.

Олег Леонидович тоже остался доволен добрынинским опытом. Он предложил исполнять эту песню на тех же гастролях. На концертах объявляли:

— Дебют молодого композитора Вячеслава Добрынина! После гастролей молодой композитор позвонил Леониду Дербеневу. Тот тогда был самым маститым поэтом-песенником («Где-то на белом свете», «Помоги-и мне...», «Есть только миг...» и пр.).

— Ну, приезжайте, — сказал Дербенев. — Если у вас есть хорошие мелодии. Я даже люблю писать стихи на готовые темы.

И получилась еще одна песня.

Дербенев привел Добрынина к Слободкину, худруку «Веселых ребят», самого популярного тогда ансамбля в стране. Слободкин человек

«Шаровая молния»

Петь свои песни на большой эстраде сам Добрынин даже и не думал. Он знал, что с его богемной внешностью туда не пустят. Не говоря уже о том самом хриловатом голосе и легком грасировании.

Запеть Добрынину пришлось по необходимости. В конце 70-х его очень часто приглашали в Подмоскovie, в дом отдыха ЦК ВЛКСМ под милейшим названием «Елочки». Там, разгулявшись на воле, комсомольский актив то и дело упрямил композитора устроить для них свой творческий вечер. Добрынин никогда не отказывался и пел свои шлягеры. Комсомольцы приходили в неописуемый восторг. Добрынина стали убеждать, что его артистическое обаяние необходимо ввести в жанровые рамки, собрать свой ансамбль.

Так в 1981 году ему пришлось, наконец, задуматься о музыкантах для выступлений на подобных творческих вечерах. Среди прочих в аккомпанирующем составе

оказались саксофонист Сергей Мазаев, нынешний солист «Морального кодекса», и клавишник Игорь Матвиенко, который спустя годы станет творцом «Любэ» и «Иванушек Интернешнл».

У Мазаева и Матвиенко была своя группа под названием «Шаровая молния». Они играли свою затейливую рок-музыку и к Добрынину пришли просто, что называется, по бедности.

Матвиенко как-то проиграл Добрынину свои песни. Тот послушал и сказал:

— Все это хорошо, но ты тут столько нагромоздил. Этот джаз-рок тут никому не нужен. Попроще надо. Ты хочешь, чтобы наш народ тебя слушал?

— Хочу, — отвечает Матвиенко. — Но я попроще не умею.

— А я тебе покажу, — улыбнулся Добрынин.

И стал показывать.

Сам Матвиенко признается, что писать шлягеры его когда-то учил Добрынин. А Добрынин, услышав сейчас какой-нибудь «Тополиный пух», радуется:

— Какой композитор получил!

...Года два назад у Добрынина вышел сборник, включающий целых 100 шлягеров. Вячеслав Григорьевич считает, что это неплохой результат. К тому же он успел еще вырастить дочь и посадить очень много деревьев на своей даче под Рузой.

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯКОВ,
БОРИС КРЕМЕР (фото)

